

Автор - Елена Уварова, Алматы (Казахстан).

В СОЗВЕЗДИИ КИТА

Письма

(Она)

Пишу тебе «за тридевять земель», туда, где поседевшие деревья скрипят во тьме. Где кружится метель, запугивая стылую деревню, лежащую в колючей тишине. Где, вывернув изнанкой поднебесье, хрипят ветра, и хлипкий интернет теряет поминутно равновесье.

Ты - весел, говоришь, что ночь длинна, как Вилсонская опера*, и впору слагать стихи. Слагаешь. В них луна, нагой русалкой спрыгивая в прорубь, скрывается под каменной

водой, Селеной выплывая из-за льдины.

Ты Бродского цитируешь порой. И учишь жить неспешно, чтоб руины не множить до секвоевых вершин, чтоб мусор не накапливался в складках бессмертной, пусть и загнанной души, положенной Всевышним на лопатки.

А я пишу о всякой ерунде, в которой нет приправы в виде тайны. О том, как пролетел столичный день, что в сонный дождь вплетается трамвайный холодный стук. И сдавливают грудь твои стихи, обрывки разговора.

Я долго не могу потом уснуть и пальцем по экрану монитора вожу: «Люблю тебя».

(Он)

Ну, здравствуй. Как погода? Как дела? У нас под вечер снова минус тридцать. И ветер, закусивши удила, заглядывает в мраморные лица прохожих, торопящихся скорей в натопленные домики-шкатулки.

При свете одиноких фонарей рождается затишье в переулке, мучительное в сущности. Но мне, наполненному письмами твоими, уютно в наступившей тишине, где мысли вдруг становятся живыми, где чувствуешь, что с ног до головы ты изменился, стал мудрей и старше.

Я знаю, что мы все чуть-чуть волхвы, не только в Рождество, (как думал раньше, наученный поэтом), а всегда, способные на светлые безумства.

Мне кажется сейчас, не провода, не спутники нас связывают – чувства, нанизанные кем-то на стихи, на музыку, звучащую повсюду, на тысячу непознанных стихий.

Достигнув максимальной амплитуды, они переродят нас, и тогда – ну что нам заколоченные двери, железные заборы, города, чужое восклицание «не верю!»...

Тогда я не нажму опять «delete». Ну, а пока: прости меня, родная...

Я вновь пишу... что весел и небрит, что слышу стук уставшего трамвая, в котором едешь ты, твое тепло летит ко мне сквозь тучу снеговую.

...Я, глядя в запотевшее стекло, черты твои по памяти рисую.

Пиши мне.

*Опера Роберта Уилсона «Жизнь и эпоха Иосифа Сталина», состоящая из 7 актов, шла 13 ч 25 мин в Бруклинской академии музыки (Нью-Йорк.США) 14 и 15 декабря 1973 г.

Метель

Летела с неба мокрая труха,
Метель студила степь – ломоть вселенной,
Лохматила встревоженные тучи.
И словно плетью огненно-колючей
Хлестала беспощадно и умело
Отару и парнишку–пастуха.

Крошился мир на белые куски,
Безумствовало вьюжное ненастье.
Рождалась необузданная сила,

Крепчала и живое хоронила
В жестокой, ненасытной снежной пасти
На краешке фарфоровой реки.

Забыться сном хотелось пареньку,
Ослабить вожжи, спрыгнуть с вороного,
Прижать к груди замерзшие колени,
Не отпуская странное виденье,
В котором жизнь – под солнечным покровом,
И васильки за домом, на лугу.

Мерещилась июльская гроза,
Смешливый взгляд соседки – Катерины,
Горячий шепот: «Ну тебя! Пусти же!»
...Казался снег душистым, теплым, рыжим.
Он лип к лицу, как будто паутина,
Слепил, искрясь, уставшие глаза.

Наваливался сон. Мела беда,
И саванное ткалось одеяло,
Кроила ночь причудливые тени,
А где-то в складках пряных сновидений
Фонарное сияние всплывало,
И чьи-то голоса: «Он здесь! Сюда!»

В созвездии Кита

Я помню дом твой, выкрашенный в синь,
В натопленной гостиной – фотоснимки.
Играла тихо старая пластинка
Протяжные сюиты Дебюсси.
Бродяжничали тени по углам
От свечек, притаившихся повсюду.
Мы ели борщ из глиняной посуды,
Шутили, целовались. Часто к нам
Заглядывал отец твой. Он вздыхал,
Цитировал Новалиса за чаем.
При виде нас житейские печали
С него слетали, словно шелуха.
Мы слушали стихи, и лунный свет
Мелодией рассеивался в душах.
Кряхтела печка, было очень душно.
Таился в каждой мелочи секрет
Любви отца: безмерной и слепой,
Воспитанной на вдовецких заботах.

Конкурсная подборка 30. "В созвездии Кита"

Автор: Оргкомитет
23.03.2016 13:30

В созвездии Кита мерцали... ноты,
Когда от вас я ночью шел домой.
Мне долго не хотелось, помню, спать:
Всплывали свечи, тени, разговоры.
Я был тобой охваченным!
... А вскоре
Вы навсегда покинули Ордадь.
Я плакал у стареющих осин.
Сжимали сердце тайные пружинки.
Подаренная плакала пластинка,
Играя мне сюиты Дебюсси.

